

Ю. П. АСЕЕВ, Н. А. КАНЦ, И. Н. КРАВЧЕНКО

РУССКИЙ МИР:

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

**Юрий Иванович Асеев
Инна Николаевна Кравченко
Наталья Александровна Канц**

Русский мир: анализ состояния, проблемы

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12180544
Русский мир: анализ состояния, проблемы: АГРУС; Ставрополь; 1014
ISBN 978-5-9596-1032-6*

Аннотация

Россия – уникальная по своему потенциалу страна, в которой, казалось бы, жить да жить. Стало быть, должен быть кто-то, в ее гибели очень заинтересованный и ждущий только подходящего повода, чтобы довершить начатое и «прибрать к рукам долгожданное наследство». Кто же он, этот злокозненный вражина?

Цель работы: «попробуем понять, что было, что будет со страной, чем сердце успокоится, да чем дело кончится?..» Данная монография начинается с вопроса «что было?». Как известно, не зная своего прошлого, практически невозможно научно оценить настоящее, не говоря уже о том, чтобы предвидеть будущее.

Для преподавателей, соискателей, аспирантов и студентов всех специальностей и направлений высших учебных заведений.

Содержание

Введение	5
Глава I. Горизонты анализа русского мира	6
1.1. Западная Русь в XV–XVII веках	6
1.2. Запорожская Сечь: краткий исторический и социально-экономический анализ	11
1.3. Богдан Хмельницкий: штрихи социально-психологического портрета	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Юрий Асеев, Инна
Кравченко, Наталья Канц
Русский мир: анализ
состояния, проблемы**

© ФГБОУ ВПО Ставропольский государственный аграрный университет, 2014

Введение

Современная Россия находится в сложном положении. Она все более зависима. Нас, русских, перестали уважать. Жизнь с каждым месяцем все дороже и опасней. Экономика практически разваливается, и если бы не нефть, давно бы рухнула. Народ вымирает, и русские особенно быстро.

В этих условиях разнообразные полулегальные «национальные» общины из бывших советских республик, окопавшиеся в наших городах, и в первую очередь, в Москве, оккупировали наши рынки, практически открыто торгуют наркотиками и, главное – демонстративно презирающие нас, коренное население, плюющие на нашу историю, культуру, образ жизни, обычаи и нормы поведения. Они плодовиты и спаяны родоплеменным единством, они наглы и агрессивны, они даже не пытаются стать частью нашего общества, а чувствуют себя буквально оккупантами в завоеванном городе. К тому же русское общество давно раскололось на две части: бедных и богатых. Все это так. И самое мерзопакостное и обидное то, что простой россиянин в своей собственной стране оказывается беззащитным. Потому что законы, суды, полиция, абсолютное большинство прессы – все это тоже у них и для них. Потому что степень «свободы» и «прав человека» в нашей стране, о которых так любят поговорить разного рода «демократы», определяются исключительно наличием денег. Нет денег – нет тебе ни прав, ни свобод.

Нам – историкам, обществоведам, тем паче философам понятно само по себе: ничего из ничего не происходит, должна быть причина, дающая возможность хотя бы понять, кто за этим стоит и к чему все это может привести. Как известно, не зная своего прошлого, практически невозможно верно оценить настоящее, не говоря уже о том, чтобы предвидеть будущее.

Для начала обращаем внимание на тот исторический феномен, который многие отмечают, но почти никто не желает объяснить его сущность.

Как известно, одна голова российского герба обращена на запад, а другая на восток. По той простой причине, что находясь и в Европе и в Азии, Россия изначально не принадлежала ни к Европейской, ни к Азиатской цивилизациям, а являлась, по сути, своей отдельной самобытной цивилизацией – Евразийской. И, как следствие, России постоянно приходится воевать, используя различные методы борьбы, отстаивая себя, то с теми, то с другими. Об этой патологии европейского, американского сознания, с негодованием в свое время писали Ф. Тютчев, Г. Данилевский, И. Ильин и еще великое множество русских писателей и философов в XIX и XX веках. Даже А. Пушкин в 1834 году возмущался: «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Из всего написанного вытекает единственно возможный вывод: источник опасности для России со стороны окружающего мира и сегодня остается все тем же. За всеми «оранжевыми революциями» и за готовящимися у нас реформами, а также событиями вокруг Украины, стоит именно «Запад». Причем не как географическое понятие (и потому оно в кавычках), а как цивилизация, созданная международным финансовым капиталом в союзе с нашими отечественными толстосумами. Цель нашей работы: совместно с думающей частью студенческой публики попытаться понять, что было и что будет с Россией, чем «сердце успокоится» и «чем дело кончится»...

Глава I. Горизонты анализа русского мира

1.1. Западная Русь в XV–XVII веках

Господство среднего помещика определяло не только внутреннюю, а и внешнюю политику Московского государства после Смуты. Боярская Русь XVI века остерегалась обострять свои отношения с Западом и была, по своему, права: ливонская война при Грозном кончилась неудачей; феодальные ополчения московского царя не выдерживали схватки грудью с грудью против регулярных армий новой Европы. Надо было искать врага по себе, каким казались крымские и поволжские татары. От них умели, по крайней мере, отбиваться: а когда под Москву в 1610 году пришла польская армия, ей сдались сразу, и не пытались завязывать неравной борьбы. Дворянское ополчение, собранное торговыми городами, уничтожило ореол непобедимости, окружавший до тех пор польское «рыцарство». Раньше полякам случалось проигрывать отдельные сражения: то, что произошло под Москвой в 1612 году, было проигрышем целой кампании. Правда, дальнейший переход в наступление не удался победителям. А когда против Московского государства оказались еще шведы, и вовсе пришлось сдаваться. К 1620 годам Московская Русь была отброшена на Восток дальше, чем это было когда бы то ни было со времени Ивана III. Не только у Москвы не было теперь ни одного порта на Балтийском море, но все выходы в это море были наглухо для нее заперты: в XVII веке стало чужим даже то, что целые столетия было своим для Великого Новгорода. А сухопутная западная граница с Литвой подошла почти к пределам нынешней Московской губернии. Днепр на всем протяжении стал нерусской рекой, а Вязьма стала первым пограничным русским городом с Запада. Такой разгром, казалось, должен был бы надолго отбить охоту от всяких предприятий в эту сторону. На самом деле, XVII столетие оказалось веком «западных» войн.

Покорение западной Руси литовскими князьями сопровождалось подчинением Литвы русскому влиянию. В начале XV в. покоренные русские области, земли Подольская, Волынская, Киевская, Северская, Смоленская, Полоцкая и другие, и по пространству, и по количеству населения значительно превосходили покорившее их Литовское княжество и как по племенному, так и по культурному своему составу это литовско-русское княжество являлось больше русским, чем литовским государством. Русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием стали распространяться среди полудикой языческой Литвы. Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них шло так успешно, что полное слияние обеих народностей становилось возможно.

Русские князья, владевшие этими областями на древнем родовом праве подобно своим предкам XI и XII веков, подчинившись власти великого князя литовского, обязывались служить ему верно и платить дань, а он им жаловал их княжения в вотчину на наследственном праве или иногда во временное владение, до своей господарской воли. Этим разрушено было старинное родовое владение князей, и к началу XVI века они стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими русскими боярами и литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской. Члены этой аристократии, паны, составили правительственный совет, или раду великого князя литовского, которая сильно ограничивала его власть.

Усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов западной Руси. В старой Киевской Руси область со своим волостным городом составляла цельную землю, которая подчинялась решению веча старшего города. Теперь со введением господарских урядов областной город оторвался от своей области: место веча

заступил назначаемый великим князем воевода с подчиненными ему старостами, каштелянами и пр. Подгородные земли, находившиеся в общинном пользовании этих городов, розданы были великими князьями в частное владение с обязательством ратной службы. Служилые землевладельцы, бояре и земляне, прежде входившие в состав городских обществ, теперь шляхетскими своими привилегиями обособившись от мещан, торгово-промышленного городского населения, начали покидать города, селясь в своих вотчинах и выслугах, пожалованных имениях.

Великокняжеские урядники, воеводы, каштеляны и старосты притесняли горожан. Чтобы вывести города западной Руси из упадка, литовско-польские государи давали им немецкое городское самоуправление или магдебургское право, которое в XIII и XIV веках проникло в Польшу вместе с немецкими колонистами, наводнявшими тогда польские города. Еще в XIV веке это самоуправление было введено в городах Галицкой земли, которая присоединена была к Польше королем Казимиром Великим в 1340 году; с половины XV века магдебургское право распространилось и в других городах западной Руси. По этому праву горожане получили некоторые торговые привилегии и льготы по отпращиванию казенных повинностей и освобождались от подсудности воеводам и другим правительственным урядникам.

Поляки добивались присоединения Литвы с западной Русью к Польше, а Ягайло, ища поддержки в трудной борьбе с Тевтонским орденом, обещал им это, обещал еще принять католицизм со всем литовским народом. Эти обоюдные расчеты и были скреплены женитьбой Ягайло на наследнице польского престола Ядвиге в 1386 году. Следствием этого брака было династическое соединение двух соседних государств, королевства Польского и великого княжества Литовского. Это событие произвело важные перемены в положении русских областей, вошедших в состав Литовского государства.

Политическое влияние Польши на Литву, сближая литовско-русский государственный строй с польским, в XV и первой половине XVI века поддерживало кое-как многократно обновлявшийся новыми договорами династический союз обоих государств, то имевших отдельных государей, то соединявшихся под властью одного. Не так удачно было церковное влияние Польши: в этом отношении ее уния с Литвой сопровождалась следствиями, которые грозили отторжением Литовской Руси от польско-литовского союза. Ягайло с помощью поляков обратил часть Литвы в католичество. Поляки хотели закрепить династическую унию Польши с Литвой церковным единством союзных государств и со своим духовенством во главе повели католическую пропаганду среди православного литовско-русского населения, но встретили сильный отпор, который уже в конце XV века повел к тому, что русские князья, подчиненные Литве, Одоевские, Белевские, Воротыньские и другие, владения которых примыкали к московским границам, начали переходить на московскую службу со своими вотчинами. Эти переходы вызвали две войны Ивана III с Литвой, кончившиеся тем, что великий князь московский удержал за собой земли всех русских князей, ему поддавшихся.

Успехи протестантизма в Польско-Литовском государстве послужили одним из условий, подготовивших выгодное для Польши решение вопроса о вечном соединении ее с Литвой. Эти успехи остановили католическую пропаганду в Литовской Руси. Покровительствуя протестантам, последний Ягеллон благоволил и к православным и принял очень важную для них меру. Одно постановление Городельского сейма 1413 года лишало православных права занимать государственные и общественные должности. В 1563 году Сигизмунд Август отменил это постановление. Это изменило отношение православного литовско-русского населения к польскому правительству; теперь, с ослаблением католической пропаганды, которую поддерживали прежние короли, православные люди Литвы перестали бояться польского правительства. Эта перемена сделала возможным продолжение политического союза Литвы с Польшей. В январе 1569 года собрался сейм в Люблине для решения вопроса о продолже-

нии унии. Литовские сенаторы и послы (депутаты) долго не соглашались на предложенные поляками условия унии. Но король привлек на свою сторону двух влиятельнейших магнатов юго-западной Руси, которые стояли во главе православного дворянства. Один из них был Рюрикович, воевода киевский князь Константин Острожский, другой Гедиминович, воевода волынский князь Александр Чарторыйский. Эти два магната и увлекли за собою все юго-западное русское дворянство, за которым принуждено было последовать и литовское. На Люблинском сейме политический союз обоих государств был признан неразрывным и соединенное государство получило окончательное устройство. Оно превращалось в избирательную, республикански устроенную монархию, называвшуюся Речью Посполитой (перевод лат. *Respublica*). Для истории юго-западной Руси всего важнее было то постановление Люблинского сейма, по которому некоторые части этой Руси, входившие в состав Литовского княжества, теперь отошли к Короне, т. е. к Польше. Это были: Подляхия (западная часть Гродненской губернии), Волынь, Подолия и Украина (губерния Киевская и Полтавская с частью Черниговской). Благодаря присоединению этих областей к Короне они подпали под непосредственное влияние Польши.

Территория древнерусских княжеств к западу от Днепра ни в один момент древнерусской истории не являлась, таким образом, совершенной пустыней. Переход ее под главенство Литвы в половине XIV века (наиболее правдоподобной датой занятия литовцами Киева является, как известно, 1362 год если что-нибудь изменил в положении дел, то только к лучшему. В лице литовского великого князя Киевщина получила очень сильного сюзерена, от которого в случае необходимости можно было ждать поддержки, но который, как и всякий феодальный сюзерен, во внутренние дела своих вассалов не вмешивался. «В Литовско-Русском государстве, – говорит один из новейших источников этого последнего, – установился социально-политический строй, сильно напоминающий средневековый западноевропейский феодализм». Феодальные отношения составляют не «западноевропейское», а «общеевропейское» или даже общечеловеческое явление, как мы знаем. Но литовский феодализм был действительно ближе к западному типу, нежели, например, московский. Здесь были резче выражены как феодальный иммунитет, так и иерархичность феодального строя, делавшая из господствующего общественного слоя некоторое подобие лестницы. Литовский великий князь вовсе не собирал податей в вотчинах своих вассалов, тогда как северовосточные князья всегда собирали, по крайней мере татарскую дань, и вовсе не имел там права суда, тогда как его великорусские современники всегда оставляли себе наиболее лакомые куски судебного дохода. Феодализм вообще равнодушен к национальным перегородкам – национализм появляется лишь на следующей ступени социального развития. Уже поэтому нельзя было ожидать какого-нибудь гнета со стороны литовского сюзерена по отношению к его русским подданным, только потому что он литовец, а они русские. Совершенно не видно, чтобы здесь была какая-нибудь борьба за национальное право, – очевидно, и мысли об этом не приходило в голову ни завоевателям, ни завоеванным. Католическая церковь, явившаяся в Литву после унии с Польшей (в 1386 году), пыталась провести другую границу – запереть дверь в великокняжескую думу «схизматикам», сделав из православных, так сказать, вассалов второго сорта. То, что казалось историкам религиозной перегородкой, на самом деле было социальной, и религиозной борьбы в Западной Руси не было до конца XVI века точно так же, как не было национальной.

Не вызвало такой борьбы и формальное присоединение Юго-Западной Руси к Польскому королевству по Люблинской унии 1569 года. История этой унии представляет собою чрезвычайно поучительный пример того, как под национальным конфликтом скрывается в сущности социальный. В старой литературе, например у Соловьева, дело изображалось так, что унию поляки навязали Литве, литовцы же «сильно упорствовали, но потом должны были согласиться на соединение, когда видели, что не поддерживаются русскими». Моти-

вом, заставлявшим «русских» держать нейтралитет в споре, были притеснения, которые они якобы испытывали от «литовских вельмож». Что последние не пользовались никакими особыми привилегиями сравнительно с «вельможами» русскими, это мы уже знаем. Несомненный факт, что и русская знать относилась к унии так же враждебно, как и паны радные литовского происхождения: в числе крупных землевладельцев непосредственно аннексированного Польшею Подляшья (восточный угол позднейшего «царства Польского»), устроивших настоящую обструкцию в борьбе с унией, мы находим коренные русские фамилии Ходкевичей и Сапег. Сейчас мы должны отметить другое: если «капиталисты» знатного происхождения косо смотрели на унию, к ней совсем иначе должны были относиться незаинтересованные в «предприятии» средние и мелкие землевладельцы. Так оно и было.

Польша шла впереди Литвы в процессе социального развития – в ней переход политической власти в руки среднего помещика (в Польше величавшегося «народом», как в Московском государстве такой же помещик был «всей Землей») совершился уже в первой половине XVI века. Глядя на это, литовско-русская шляхта не могла не «разлакомиться», и никакие попытки литовской аристократии купить себе мир со своим дворянством социальными уступками не достигали цели.

Собственно, шляхетский «народ» Литвы уже держал верховную власть в своих руках, но ему было мало и теоретического признания его верховенства: ему нужно было свое, шляхетское правительство, а этого он не надеялся достигнуть без помощи польской шляхты. Люблинская уния, поставившая весь ход дел в объединенной Речи Посполитой под контроль общего польско-литовского сейма, где не было ни литовских «княжат», ни иных членов по личному праву, а только «послы, избранные литовским и польским рыцарством», осуществила это желание. Насколько оно было главным, а все другие стороны унии второстепенными, видно из того, что отдельные «земли» не остановились перед перспективой стать непосредственными подданными «короны», как только явилось сомнение, удастся ли провести план объединения на шляхетских условиях для всей Литвы. «Захват» поляками Подляшья и Волыни, а затем Подолья и Киевщины при совершенно явном попустительстве местной шляхты, которая все время хлопотала об обороне не от «захватчиков»-поляков, а от своей туземной аристократии (доходившей до угроз татарам!), представляет собою одну из любопытнейших сторон унии 1569 г. Он лучше всего другого показывает, что образование Речи Посполитой было последствием не каких-нибудь дипломатических шахматных ходов – так часто изображались дела в старые годы, – а политическим закреплением общего как для «короны», так и для «княжества» социального явления – перехода фактического влияния в обществе от крупной феодальной знати к среднему землевладению. В Польше и Литве в первой половине XVI века произошло то же, что в иных политических формах случилось на три четверти столетия позже в Московской Руси.

Ту же особенность мы замечаем и в распространении барщины. Она есть уже всюду; но на востоке, в землях великого княжества Литовского, в начале второй половины XVI века она только появилась. Как и в дворцовых имениях Московской Руси того же времени, хозяйство пытались поставить рационально: из «устава о волоках» мы выносим очень живое представление о том, как была организована крестьянская «работа» в большом благоустроенном имении Юго-Западной Руси. Староста – «войт» – в воскресенье назначал каждому из «подданных» его урок на всю неделю. За исправным выполнением этого урока следили строго: кто не выходил на работу вовремя, в первый раз платил грош, во второй раз – барана, в третий раз его «бичом на лавке карали»; если манкировка была злонамеренная, например, по причине пьянства, телесное наказание полагалось сразу. Зато можно явить начальству об уважительной причине, мешающей выйти на работу; только от самой работы ни в каком случае нельзя было избавиться: пропущенные дни должны были быть отработаны во что бы то ни стало. Регламентировано было употребление времени и в течение самой работы:

к то работал со скотом – волон или лошадьо – имел право отдыхать три часа в продолжение рабочего дня – час перед обедом, час в полдень и час перед вечером; пеший работник отдыхал все эти три раза по получасу. Выходить на барскую работу обязательно было «як солнце всходить», а уйти можно было только на заходе солнца. Но строго регламентированная количественно барщина была еще невелика, как можно было бы догадаться уже по относительным размерам барской и крестьянской запашки: у крестьянина брали в Литве 2 дня в неделю, т. е. 1/3 его рабочего времени. В Галичине мы встречаем гораздо более высокие нормы работы: двухдневная барщина спускается чуть не на последнее место, наиболее распространенной является обязанность работать 3 дня в неделю или же каждый день по полудню, и не редки – нисколько не реже двухдневной барщины – четырех- и пятидневная; это был максимум эксплуатации, так как два дня в неделю, воскресенье и базарный день, крестьянам оставляли всегда.

Итак, мы видим двух классовых противников внутри одного и того же общества. Это были два разных способа ликвидации древнейшего, «натурального», феодализма. Польским панам лучше удалась задача, на которой сломало себе шею московское боярство XVI века. Их латифундии более успешно превращались в сельскохозяйственные предприятия с обширной барской запашкой и массовым применением крепостного труда. Здесь мы имеем уже в XVI веке тот «восточноевропейский» тип хозяйства, который в великорусские области стал проникать лишь в XVIII. Но и противник у польской латифундии был более европейский. Если не бояться характеризовать сложное явление по одному признаку, казацкую земельную собственность в массе среднюю или мелкую, знавшую батраков и «подсосудников», но не знавшую ни организованной барщины сотен крестьян, ни сеньориальных прав землевладельца, ни иммунитета, ни права суда, ни мелких земян-вассалов, можно бы назвать «буржуазной». Казацкая буржуазия, она не могла обойтись без «чернорабочих», без массы «поспольства», и благодаря этому она была в своих лозунгах демократичнее своей социальной сущности. Но когда боевой момент прошел, экономические отношения взяли свое: казачество разместились наверху, посольство осталось внизу.

1.2. Запорожская Сечь: краткий исторический и социально-экономический анализ

С последней четверти XVI века тот антагонизм мелкого и крупного землевладения, который воплотился в украинских казаках и польских панах, приобретает свою окончательную форму. Первые находят идеальное оправдание своих классовых требований, выступая защитниками православия против унии; вторые, проводя эту унию, стараются сделать православную церковь орудием в руках крупного землевладения. А на попытку польских помещиков подчинить всецело казачество польской «государственности», взять его целиком на коронную службу и точно регламентировать его положение на этой службе казаки отвечают тем, что создают себе заграничный центр, независимый от польского государства, в образе Запорожской Сечи.

Процесс развития феодальных отношений привел к массовому обезземеливанию не только отдельных «селян», но и целые селения. Так, к примеру в одном селе Перемышльского староства к середине XVI века было 36 тяглых хозяйств, сидевших на полудворищах, а через 10–15 лет осталось лишь 20 загородников – безземеленных бобылей, работавших на барской пашне. Люстриция лухо замечает, что это случилось «по вине самих крестьян», но трудно ли было найти «вину» в подобном случае?

Что делали обезземеленные? В одних случаях, как мы уже видели, параллельно с экспроприацией крестьянства рос разряд загородников, рос, кажется, даже быстрее, чем шло обезземеление.

В Саноцком старостве за еще меньший период, с 1558 по 1565 год, число загородников удвоилось; здесь загородники составляли в этом последнем году 11 % всего населения, а в Перемышльском – даже 26 %. Но далеко не все обезземеленные попадали в эту категорию. То, что крестьян довели до потери своего хозяйства, ясно указывало на избыток в данном имени рабочих рук; но, если были избыточные рабочие руки, естественно было использовать их в другом месте, где были «великие и густые леса». О том, чтобы «осаживать» людьми леса, «на волоки размеренные», заботится даже устав Сигизмунда-Августа в сравнительно просторной еще Литве. Новым поселенцам давалась льгота на пять, на шесть, даже на десять лет, а где были «черные леса, тяжкие к вырублению», и еще больше. На западной окраине должны были заботиться о том же еще ревностнее, и действительно, добрая доля Саноцких «королевщин» «была свежим колонизационным приобретением»: в начале XVI века здесь было не более 30 сел, принадлежавших короне, в середине – до 54. Прибыль падала здесь, как и в Перемышльской земле, почти исключительно на «горские села», *villae submontanae*, врезавшиеся в лесную чащу Карпат, куда уходили «копать лес» люди, не примирившиеся дома с положением загородников. Как быстро шло здесь заселение, видно из того, что на верховьях Вислока люстриция 1565 года застала 18 сел с 311 хозяйствами на 200 ланах земли, о которых и помину не было в начале столетия. Нет надобности говорить, что здесь условия крестьянской жизни были совсем иные, чем на старых местах: о барщине здесь и во второй половине XVI века иной раз ничего не слыхали, разве что ходили в горячую пору на помочи. Но перейти на другую землю того же хозяина – это было еще полсвободы. Просторные земли на востоке манили больше, нежели «тяжкие леса» Карпат. Переписи нередко сообщают нам, как крестьяне, у которых соседние пань оторвали добрый кусок пашни и сенокоса, кинули оставшуюся землю и «пошли себе», пошли неведомо куда. И такие неведомо куда ушедшие люди встречались уже в изобилии не только на западе, а и на востоке: «устав о волоках» много внимания уделяет беглым, видимо, очень заботясь о том, чтобы не отрезать им дороги назад, ежели захотят вернуться. Среди восточных панов были особые спекуляторы на таких беглых; ими главным образом Вишневецкие колонизировали свое Посулье, где на

месте пустыни, бывшей здесь еще в начале XVI века, к концу его были десятки сел, а к середине следующего – довольно густо заселенная местность с порядочными городскими центрами. По инвентарям 1640 годов, в «Вишневецчине» было 40000 хозяйств, в том числе в ее столице, Лубных, – 2646 дворов, а Иеремия, мог затратить на свою свадьбу 250000 злотых (почти 300000 золотых рублей). При этом целые города, например Пирятин, были заселены беглыми. Замки Вишневецких давали этому пришлому люду оборону от татар. Но кто был по-храбрее, в своих поисках воли и лучшей жизни не останавливался, конечно, на подданстве Вишневецким: на восточной окраине панская колонизация сталкивалась с другой колонизационной струей – с колонизацией вольной, казацкой.

Романтическое представление о казачестве как о союзе вольных людей, не стерпевших крепостного ига и ушедших в вольную степь строить себе новый мир, где все равны, где нет крепостных и господ, – это представление очень живуче в исторической литературе даже до сего дня. Знакомясь с фактами, вы, однако же, напрасно ищите той «демократической, пролетарской дружины», о которой вы столько читали и слышали. Под именем «казаков» вы везде встречаете мелких землевладельцев, очень напоминающих тогдашнего окраинного помещика и целыми рядами незаметных переходов связанных с земледельческим классом вообще. Мы уже упоминали об этом, не приводя подробностей, по поводу роли казачества в Смуте. Вот несколько образчиков того, что представляли собою великорусские казаки южной окраины. Под Белгородом было село Стариково, населенное беломестными атаманами и казаками. У каждого из первых было по 30 четвертей пашни «в поле», т. е. по 45 десятин пахотной земли всего, и по 150 копен сена; у каждого из вторых – по 20 четвертей (30 десятин) и по 100 копен. Кроме казаков в том же селе жило 34 человека бобылей, работавших на этой самой казацкой земле. То же самое было и под Воронежем.

В обычном представлении запорожские казаки рисуются до такой степени противоположными всему, что мы связываем со словом «буржуазия», что классовое родство казачества и мещанства теперешнему читателю, смотрящему сквозь призму исторической романтики, разглядеть нелегко. Современникам, для которых казаки были вполне реальной вещью, это удавалось лучше. Польский хронист Мартин Бельский так описывал низовое казачество: «Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на низу Днепра ловлею рыбы, которую там же, без соли, сушат на солнце и тем питаются в течение лета, а на зиму расходятся в ближайшие города, как-то в Киев, Черкасы и другие, спрятавши предварительно на каком-нибудь днепровском острове, в укромном месте, свои лодки и оставивши там несколько человек на курене или, как они говорят, на стрельбе». Эти показания вполне сходятся с тем, что мы знаем о запорожцах из документов: в древнейшем из них, грамоте литовского великого князя Александра (1499 года), фигурируют казаки, приходящие сверху, от Киева и Черкас, на низовье Днепра рыбу ловить; часть улова они должны были отдавать киевскому воеводе – по этому случаю дана и грамота. Через сто лет связь Запорожья с Киевом была еще настолько прочна, что в Киеве делалась запорожская политика. Из описания очевидцев мы узнаем, что «демократическая, пролетарская дружина» была организована весьма аристократически. Запорожское вече состояло из двух «кол»: одного, в котором совещалась старшина, и другого «из простого народа, называемого у них чернью» (!). В это последнее коло членов запорожской демократии есаулы загоняли палками. Решения здесь постановлялись быстро и провозглашались с большой экспансивностью. Деловые переговоры все же таки пришлось вести со старшиной. Запорожская аристократия умела блюсти интересы Сечи, где она была хозяйкой не только в политическом отношении, конечно. Роль «владельцев челнов» мы уже видели; помимо них, очевидец упоминает в числе «зажиточных казаков» еще «охотников», а современные документы – «хуторян». Казак, как мелкий землевладелец, проник, таким образом, и за пороги, но здесь, в этих нетронутых местах, он перемешивался еще с промыш-

ленником, вовсе, однако же, не походившим на горьковского босяка. Сечь была достойной представительницей мелкой казацкой буржуазии.

Особенности географического положения Запорожья создавали здесь, помимо земледелия, охоты и рыболовства, еще один промысел, который всего больше определял собою физиономию низового качества. «Владельцы челнов» совсем не потому только делали в Сечи и дождь, и хорошую погоду, что суда были необходимы для рыбной ловли – рыболовная лодка далеко не была таким ценным орудием производства, как мореходная чайка, необходимая отнюдь не для одного рыболовства. Северные берега Черного моря уже тогда были покрыты турецкими и татарскими поселениями, достаточно богатыми и культурными, чтобы там было, что взять. В Бело-граде (Аккермане, Бессарабской губернии) был, по словам польского хроникера, «большой порт, из которого до самого Кипра пшеницу с Подолии возили; теперь через тот город сухим путем на Очаков к Москве ходят только караваны». Автор тут же и объясняет, кажется, сам того не замечая, почему упала аккерманская торговля: «Из Белогграда пролегает широкая дорога, на которой казаки часто турецких купцов разбивают, и если хотят добыть языка, то добывают его скорее всего именно там», «Они (казаки) причиняют очень часто большую беду татарам и туркам и уж несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях немало брали добычи, так что теперь и турки, и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как они прежде пасли, также не пасут они скота нигде, и по той (левой) стороне Днепра на расстоянии десяти миль от берега...» Так, случайное указание польского летописца вскрывает перед нами специальную причину постоянных столкновений уже не казачества, а именно Запорожья с поляками: морские разбои низовых казаков лишали крупное польское землевладение ближайшего рынка для продуктов его имений. Спор шел, действительно, между «культурой» и «дикостью», как склонны изображать дело новейшие польские писатели: вернее сказать, между двумя ступенями культуры – к северу от порогов была уже полукапиталистическая Европа XVI века, к югу процветали нравы времен Святослава Игоревича. Стремление подчинить Запорожье государственной опеке и прекратить губившее польскую торговлю пиратство, с одной стороны, стремление не допустить этой опеки и обеспечить за собою исконный «национальный промысел» – с другой, составляют исходную точку всех столкновений Польши с Запорожьем, начиная с бунтов Косинского и Наливайки до восстания Хмельницкого. Суть конфликта опять-таки очень хорошо и опять-таки бессознательно намечена тем же польским хронистом, которого мы уже цитировали выше (Мартинном Бельским). «Казаки нас наиболее ссорят с турками, – пишет он, – сами татары говорят, что если б не казаки, то мы могли бы хорошо с ними жить; но только татарам верить не следует: хорошо было бы, чтоб казаки были, но нужно, чтобы они находились под начальством и получали жалованье... Если бы мы захотели привести в порядок казаков, то это легко можно было бы сделать: нужно принять их на жалованье и построить города и замки по самому Днепру и по его притокам, что очень легко сделать, так как леса на островах имеется весьма достаточно, – было бы лишь к тому желание»...

В то время когда писались эти строки, «желание» было уж обнаружено в достаточной мере, в 1572 году король Сигизмунд Август назначил «старшего и судью» над запорожскими казаками, подчиненного, в свою очередь, коронному гетману (главнокомандующему польской армией). Несколько позже началась постройка и замков (сначала в Кременчуге), откуда польские гарнизоны могли бы «держат в порядке» Запорожье. Но политика польского правительства в этом пункте не отличалась выдержанностью: среднее землевладение, шляхта, господствовавшая в это время на сеймах, не склонна была очень принимать к сердцу интересы украинских магнатов. Тем приходилось самим заботиться о себе, – и первое казацкое восстание, Косинского, носит чрезвычайно характерную физиономию дуэли низового рыцарства с отдельными феодалами, сначала Острожским, потом, когда последний

оказался сильнее, чем думали его противники, с Вишневецким, на победе которого движение и оборвалось. Позднейшие украинские летописцы уже к этому моменту казацкой революции усваивали ту религиозную идеологию, которая должна была неразрывно связаться с казацким движением позднее. Но на самом деле Косинский и его товарищи не выставляли еще никаких, ни религиозных, ни социальных лозунгов, их движение даже не было движением всего казачества, а с другой стороны, в нем видную роль играли и неказацкие элементы: сам Косинский был шляхтич. Наиболее определенный пункт его программы заключался в требовании казацкого «присуда», т. е. упразднения феодального суда и предоставления казачеству того же права выбирать себе судей, какого давно добилась западнорусская шляхта. Но не прошло двух лет со смерти Косинского, как мы имеем перед собою уже весьма типичный казацкий бунт, со всеми его классическими признаками – участием панских «подданных», крестьян, погромами католиков и униатов и т. д. То было разыгравшееся в 1595–1596 годах и захватившее все Поднепровье, от Могилева до Черкасс, восстание Наливайки и Лободы. Лозунг «За православие против католицизма и унии» был поднят впервые Наливайкой; его деятельным помощником был православный священник, его брат, Демьян. Как понимали они борьбу за православную веру, показывает их первое выступление, направленное против известного нам инициатора унии Терлецкого. Не будучи в состоянии достать его самого (тот был тогда в Риме именно по делу унии), Наливайко со своими казаками, во-первых, дотла ограбил имение его брата и жены этого последнего, забрав у них все, что только было в их усадьбах ценного; а затем экспроприировал ризницу Терлецкого, предусмотрительно спрятав ее последним перед отъездом в одном частном доме, что, однако же, не спасло ее от казаков. Затем, по очереди, были ограблены все тянувшие к унии духовные и светские феодалы, попадавшие на пути восставших. Но мы напрасно стали бы искать каких-нибудь положительных шагов со стороны Наливайки с целью восстановить господство православия: редко в истории так называемых религиозных войн религия более наивно выдвигалась, как простой предлог, чем здесь. Врагами православия очень быстро оказывались все, у кого было что взять: рядом с епископами-униатами и католическими костелами Наливайко грабил и торговцев-караимов, и православных мещан, которые сами, как мы видели, были противниками унии. Формулируя свои требования в письме к королю Сигизмунду, Наливайко, в сущности, все сводил к тому, чтобы польское правительство взяло его казаков на жалованье, а самого Наливайку сделало над казаками гетманом. И еще более откровенно та же мысль проводится в замечательном письме другого героя восстания 1595–1596 годов, запорожского кошевого Лободы, к гетману Замойскому. «Ты не требуешь от нас услуг великому княжеству литовскому и всей Речи Посполитой, – писал вождь низового казачества, – ты указываешь на мир со всех сторон, со всеми неприятелями короны польской. За это да будет хвала Господу Богу за такой мир люду христианскому, что он смягчил сердце каждому неприятелю креста святого. Но если мы пришли в этот край, то причина этого для всякого очевидна: в это зимнее непогодное время, когда ты нас никуда не требуешь на услугу, Бог знает, куда нам направиться; поэтому покорно и униженно просим, благоволи не заборонять нам хлеба соли». А так как на это гетман мог бы ответить, что «хлеба-соли» достаточно забрал себе Наливайко, то Лобода спешит откреститься от этого союзника-конкурента: «Что же касается того своевольного человека Наливайка, который, забывши почти страх Божий и пренебрегши всем на свете, собрал по своему замыслу людей своевольных и чинил большие убытки короне польской, то мы об нем никогда не знали и знать не желаем».

Письмо Лободы с совершенной определенностью ставит перед нами причину собственно запорожского движения. Как раз перед 1595 годом адресат этого письма гетман Замойский в интересах молдавской политики Польши, избегая разрыва с Турцией, строжайше запретил низовым казакам беспокоить турок. «Национальный промысел» Запорожья был пресечен, надо было найти где-нибудь вознаграждение за это. О том же, что сделало

экспедицию низового рыцарства за жалованьем (за «станциями», как это тогда называлось в Польше) народным мятежом крупного масштаба, мы узнаем совершенно случайно из одного описания конца восстания. Когда казацкий лагерь был со всех сторон окружен коронными войсками, и осажденные вынуждены были вступить в переговоры, польский военачальник, уже не раз нам встречавшийся на этих страницах гетман Жолкевский, потребовал от казаков, чтобы они по указаниям находившихся в польском войске помещиков выдали всех беглых крепостных, приставших к казачеству. Казаки отказались, и лагерь был взят штурмом со страшным кровопролитием – по одной версии; по другой – были выданы только казацкие предводители с Наливайкой и Шаулой во главе (Лободу перед этим убили сторонники Наливайки), и за это Жолкевский уступил по остальным пунктам.

Восстание Наливайки дает нам уже стереотипную картину казацких «рухов» вплоть до Хмельницкого. Картина очень не сложна и складывается, приблизительно, из таких элементов: прелюдией всегда является запрещение со стороны польского правительства «национального промысла», страшно дорого обходившегося Польше, так как за каждый набег запорожцев турки платили жестокими репрессалиями по отношению к южным областям королевства: запрещение морского разбоя вынуждает низовых рыцарей искать «хлеба-соли» в другом месте, и они почти инстинктивно, вместо того чтобы спускаться по Днепру вниз к Черному морю, начинают «выгробаться» вверх, в направлении Киева. Здесь они быстро находят себе массу союзников в придавленном новыми хозяйственными условиями крепостном крестьянстве и озлобленном унией мещанстве; начинается борьба «за православную веру» и, фактически, за свободу сельского люда: «посполитые» массами превращаются в казаков. Польское правительство всегда оказывается неготовым, и полуразрушенные замки Киевщины, Подолья и Волыни, с их слабыми гарнизонами, становятся на первых порах легкой добычей восставших. Но проходит несколько месяцев, и на сцене появляется медленно мобилизуемая коронная армия. К этому времени первое увлечение народной массы успевают уже остыть; она начинает смутно сознавать, что у казачества свои интересы, отдельные от посполства (низы «народных масс», «чернь»), а казачество начинает так же смутно чувствовать, что превращение всех посполитых в казаков было бы весьма невыгодно для самого казачества. Военные неудачи в столкновениях с польскими регулярными силами поспевают как раз вовремя, чтобы быстро довести этот процесс разложения до конца. Восставшие капитулируют, а польское правительство облегчает эту капитуляцию, стараясь не доводить противника до крайности. Свирепо карая отдельных «здрайцев» (мятежников), оно не стремится уничтожить тот порядок, который создаст мятежи. Остается казачество, верхи которого прямо берутся на коронную службу, остаются панские имения с их барщиной и поборами, остается уния с ее бесконечной церковной склокой. Проходит несколько лет, пары в котле вновь накопляются, и когда правительство Речи Посполитой в вечной заботе о хороших отношениях с Турцией, вновь затыкает клапан, закрывает запорожцам дорогу на юг, происходит новый взрыв.

Нужно отдать справедливость польскому правительству – оно принимало все меры к тому, чтобы казацкая революция стала своего рода *perpetuum mobile*. Но «вечное движение» на одном месте так же немислимо в истории, как и в механике. Экономическое развитие автоматически, без чьего-либо сознательного вмешательства, обостряло «классовые противоречия» в деревне – раздувало ненависть хлопа к пану. То же экономическое развитие так же автоматически поднимало значение буржуазии и делало для нее все более невыносимой ту своеобразную форму феодального гнета, которая звалась унией и, как мы видели, через церковь захватывала области, не имевшие ничего общего с религией, мешала ремесленнику работать, а купцу торговать. То же экономическое развитие, наконец, все больше и больше стесняло казачество, стесняло чисто территориально, прежде всего, так как пустых земель становилось все меньше, и панскому фольварку некуда было раздвигаться, не затрагивая

казацких хуторов. Захват казацких земель панамы стоит на одном из первых мест в жалобе, поданной послами Хмельницкого на Варшавском сейме летом 1648 года. Но и там, где у казаков ничего не отнимали прямо, им становилось тесно хозяйничать: денежное хозяйство все промыслы – и охоту, и рыбную ловлю, и даже «национальный промысел» запорожцев – превратило в выгодные статьи дохода, арендовавшиеся не хуже церковей и монастырей. Народные песни надолго запомнили, как казаку нельзя было ни рыбки в реке поймать, ни лисичку убить, не заплатив предварительно «жидурандарю», и жалоба на то, что у казаков отнимают «их добычу – татар и татарчат молодых», стоит не на последнем месте в списке обид, привезенном в Варшаву послами Хмельницкого. На последнем месте здесь стоит православная вера... Надежда польского правительства найти среднюю линию среди этой отчаянной борьбы двух крайностей, экономически исключавших друг друга, была полнейшей утопией. И хотя министры и генералы Речи Посполитой, можно думать, искренно желали быть умеренными, объективные условия делали и их радикалами против их воли. Приняв решительную меру, они обыкновенно пугались; сделав два шага вперед, они делали полтора шага назад, но, поминутно запинаясь, жалея о собственном радикализме, они все же наступали на казачество все ближе и ближе и, невольно являясь акушерами истории, делали решительный взрыв все неизбежнее.

Как полагает известный в прошлом историк-марксист М. Н. Покровский, в этом наступлении польского «уряда» на казаков вообще и на Запорожье в частности можно насчитать четыре этапа. Первым была попытка создания окончательного казацкого реестра, попытка выделить из жидкой массы казачества некоторый твердый осадок, «настоящих казаков», за которыми и оставить все казацкие права и привилегии, слив остальных с массой «штатского» населения. Эта более алхимическая, нежели химическая, операция имела место после так называемого Куруковского дела – восстания казаков (вызванного, разумеется, запрещением похода на Турцию) в 1625 году. Победенные на Куруковом озере (около нынешнего посада Крюкова на Днепре), казаки должны были согласиться на то, чтобы казацкое войско было ограничено 6000 человек, внесенных в реестр, которые и получили самоуправление и все казацкие права по части охоты и других промыслов. Остальные, не вошедшие в реестр (выписанные из него, отсюда – «выписчики»), должны были сравняться с «посольством» и быть обезоруженными. Но так как в это время у Польши шла война со шведами, и профессиональные солдаты, какими были казаки, были крайне ценны, то само же польское правительство вербовало выписчиков на коронную службу, уничтожая левою рукою то, что оно только что сделало правою. Затем настояния турецкого правительства, все чаще и чаще грозившего войной за казацкие набеги, заставили правительство польское от платонических запрещений набегов перейти к мерам более практическим: в 1635 году в начале Запорожья по планам французских инженеров была построена крепость Кодак, где постоянный польский гарнизон должен был бдительно следить, чтобы ни одна запорожская «чайка» без разрешения начальства не смела пробраться к Черному морю. Первый комендант Кодака вел дело так решительно, что не позволял запорожцам ездить даже на рыбную ловлю. Но при первом же восстании крепость была моментально взята, и это повторялось при всех следующих восстаниях. Бунт Павлюка и Острияницы (1638) дал толчок к следующему этапу. «Ординацией» этого года было упразднено казацкое самоуправление, и казаки были подчинены полковникам, назначенным Речью Посполитой. Влияние этой меры можно оценить по тому, что поведение назначенных правительством старшин было одним из главных предметов жалобы, поданной казаками, восставшими под предводительством Хмельницкого. И, наконец, это был последний удар, видя, что Кодак не помогает, у запорожских казаков отняли и уничтожили их мореходные суда («челны»), оставив им только речные рыболовные лодки. После этой меры, которая, по мнению польских политиков, должна была

окончательно умиротворить низовое рыцарство, новое общее восстание было совершенно неизбежно.

Восстание Хмельницкого в своем первоначальном периоде не отступало от обычной схемы. Скорее всего, оно носило «царистский, королевский» характер. Личные обиды Чигиринского сотника, которым так много места отдают историки, в действительности имели очень мало значения рядом с основной обидой, нанесенной запорожскому войску истреблением челнов, закрытием для низового казачества дороги к Черному морю. Польская администрация поняла это сразу, и первое, что предложил королю Владиславу коронный гетман Потоцкий, как только пришли первые слухи о начинающемся в Запорожье движении, – это «позволить казакам выйти в море». Об этом отлично знали и сами казаки: «Была воля королевская, чтобы мы на море шли, – говорили послы Хмельницкого в Варшаве, – и деньги даны нам на челны». Но организовать сразу морскую экспедицию было невысказано после того разгрома, который произвели сами поляки, и Потоцкий должен был это признать. «В один час этого не делается, – писал он, – одни челны еще не готовы, другие готовы, но не в таком порядке, чтобы на них можно было в море идти». А запорожцам приходилось выбирать быстро, ибо они оказывались между двух огней. Было два новых условия, обостривших положение так, как этого не было ни в одном из предшествующих «рухов». Первое заключалось в том, что отмена казацкого самоуправления «ординацией» 1638 года временно погасила всякую партийную рознь внутри самого казачества во всем его объеме. Перед лицом назначенных польским правительством полковников не было больше ни «дуков», ни «нетяг» – первым, зажиточному слою, теперь даже больше доставалось, потому что у них больше можно было отнять. Личная история самого Богдана Хмельницкого характерна именно для периода после 1638 года. До того времени этот крупный хуторянин отлично уживался с «лядской неволей» и делал карьеру в рядах реестрового, состоявшего на королевском жалованье, казацкого войска. Но эта карьера была теперь недоступна для него и его сверстников – в старшины попадали теперь не те, кого выдвигало зажиточное казачество, а те, кого хотели видеть во главе казаков польские паны. А история с Чаплинским показала ему, и показывала опять-таки всем его однословникам, таким же крупным хуторянам, как он, что дело идет не просто о «прекращении политической деятельности» для них, что и «уйти в частную жизнь» невозможно – и там достанут польские «урядники» и обидят, когда захотят. Потеряв хутор, и сына, и любимого коня, ограбленный и обиженный, Богдан Хмельницкий должен был понять, что никакая «легальная» борьба с администрацией была невозможна, и, что было важнее, это поняли все. Почти моментальный переход всех реестровых, т. е. всей более зажиточной части казачества, на сторону восстания сам по себе не давал выбора запорожцам.

Другим условием, заставлявшим низовое казачество спешить, был новый фактор, который Хмельницкому удалось ввести в игру. Этим новым фактором была Крымская орда. Дружба крымцев с казаками была очень не новым явлением: еще в 20-х годах польскому правительству приходилось много хлопотать, чтобы расстроить казацко-татарский союз. Но тогда эти отношения больше были использованы ордою, чем Запорожьем. Мы часто видим казаков в Крыму, на службе той или другой из борющихся там за власть партий. Но никогда раньше крымцы не приходили на Украину бороться за казацкие вольности. Чтобы поставить дело так, нужна была недюжинная моральная отвага. Было бы наивностью думать, а Хмельницкий совсем не был наивным человеком, что татары даром, из симпатии к казачеству, вмешаются в междоусобную войну. Открытыми воротами в Поднепровье они, конечно, должны были воспользоваться для своего обычного дела, для того, чтобы вернуться в Крым «ополонившаяся челядь», как возвращались из похода древнерусские князья «ясыри» (невольники) и (опять как в старое время) в особенности невольницы для крымцев составляли главное, приходили ли они на Русь с Хмельницким или без него.

Анализ поднятых проблем свидетельствует, что православная церковь в предшествующее время не пользовалась в Юго-Западной Руси особым почетом и уважением, но и не была в то же время предметом гонений. Руководящие общественные слои просто не обращали на нее внимания, предоставляя эту «холопскую веру» хлопам. Этим объясняется и демократический состав православной церковной иерархии, о котором тоже говорилось выше. Демократическое происхождение русских архиереев вовсе, однако, не означало, что православная церковь в Юго-Западной Руси была организована демократически. Напротив, и в то время она, как всякая церковь в феодальном обществе, зависела от крупного землевладения. Здесь не успела сложиться та прочная, централизованная церковная организация, опиравшаяся на всю силу государственной власти, какая образовалась в XVI веке в Москве, например. В Москве было свое, местное, церковное начальство – святейший патриарх московский и всея Руси, без разрешения которого никто и подумать не мог что-либо предпринять в церковных делах. В Западной Руси были отдельные владыки: луцкий, львовский, киевский и другие, – сильные каждый у себя в епархии, но, когда пред ними являлся какой-нибудь из восточных патриархов, хотя бы из далекого Иерусалима или же совсем проблематичной в XVI веке Антиохии, западнорусский епископ в глазах своей собственной паствы отходил на второе место. Но восточные патриархи, паствой которых у себя дома являлась по большей части местная буржуазия, давно стояли на почве менового хозяйства.

Мы ничего не извлечем для истории казачества ни из того факта, что так назывались отряды легкой татарской конницы, ни из того, что в половецком словаре 1303 года «козак» значит «сторож». Слово пришло, конечно, с Востока, но понятие было вполне местное, и обозначавшаяся словом вещь существовала в действительности ранее, чем к ней приурочили именно это слово. В основе западнорусского казачества, как и восточного, лежала обязательная военная служба всего пограничного населения, нельзя даже сказать «служба», потому что с этим словом связывается представление о некотором принуждении сверху, а здесь, на окраине степи, откуда ежегодно появлялись татары, человеку естественно было быть военным: безоружный человек здесь жить не мог. Нужно было или отказаться от колонизации этих мест, или идти сюда не только с сохой, косой и топором, но и с ружьем. Ружье было так же необходимо здешнему поселенцу XVI–XVII веков, как и южноафриканскому колонисту XIX: причем и там, и тут роль этого орудия производства отнюдь не была только пассивная, как часто изображается. Грабежи татарских стад, «лупление чабанов татарских», а в более удачных случаях «лупление» и соседних турецких городков входили в круг обычных промыслов в южнорусской степи точно так же, как грабежи туземцев в круг «промыслов» южноафриканских. Если житомирские мещане 1552 года обязаны были «рушницы мать и стреляти добре уміти», а их сельский сосед, вольшский крестьянин, по словам одного писателя конца XVI века, «идя на работу, нес на плече ружье, а до боку чеплял шаблю або меч», то это, конечно, не значило, что все эти люди представляли собою нечто вроде современной швейцарской милиции. Надоело пахать или торговать, можно было отправиться и «козаковать»: кто был помоложе и попредприимчивее, тот это и делал. Когда «козакованье» становилось неудобно польскому правительству, оно и взывало обыкновенно к старшему поколению: требовало, «абы отцово сынов своих на козацтво не выпускали». Благодаря этому, отсутствие там или сям названия казаков вовсе еще не указывает на отсутствие и самого явления. В Барском старостве середины XVI века мы не встречаем казаков как особой общественной категории, а это было одно из казацких гнезд того времени. Козаковала здесь, главным образом, мелкая шляхта, преимущественно русская. «В правительственных актах, например, в грамоте киевскому воеводе 1541 года, казаки разумеются под общим названием мещан».

Это отсутствие резкой социальной отграниченности малороссийского казачества от других общественных классов продолжается и в позднейшую эпоху, когда казачество ста-

новится революционным элементом. Один из предводителей казацкого восстания 1590-х годов, Шаула, был черкасским мещанином, и притом не из бедных, судя по тому, что у него занимал деньги Киево-Печерский монастырь. В Киеве, по поводу того же восстания, было конфисковано несколько домов, принадлежавших казакам-«здрайцам» (мятежникам). Но теснее всего казачество было связано, конечно, с землевладением. В XVII столетии земельная собственность становится даже социальной основой для партийной группировки казачества. Когда впервые введен был реестр, т. е. сделана попытка ограничить казацкие привилегии сравнительно небольшим, тесным кругом более зажиточных казаков, держались относительно польского правительства лояльно, «дуки», – партия, к которой «принадлежали, главным образом, казаки богатые». «Между ними бывали в те времена богачи, что могли смело равняться с земьями; некоторые были шляхетского происхождения. Им было что терять, и они должны были оглядываться на польское правительство». Иначе совсем относились к этому последнему «нетяги», казаки бедные, для которых козакованье было промыслом: «запрещение грабежей для них было отобранием главного источника дохода».

Колонизационная подкладка русско-польской борьбы и сделала главным театром ее не верховья Днепра, стратегически наиболее важные для Московского государства, а земли к востоку от его среднего течения – «левобережную Украину», нынешние Черниговскую и Полтавскую губернии. Борьба с Польшей в XVII веке стала борьбой за Украину. Национальная по форме, национально-религиозная по своей идеологии, в сознании самих борющихся, борьба эта была, в сущности, социальной. Боролись два типа колонизации – воплощенные в двух общественных группах: казачестве, с одной стороны, крупном землевладении – с другой. Так как первое рекрутировалось преимущественно из людей русского языка и православной веры, а представителями второго были люди польского языка и польской культуры – католичество же в Польше этой эпохи стало чем-то вроде сословной религии всех людей «порядочного общества» и «хорошего» происхождения, – то национально-религиозная оболочка происходившей здесь классовой войны была довольно естественна. Ее не приходилось выдумывать позднейшим ученым, как это в значительной степени случилось с дворянско-посадским восстанием, закончившим Смуту. Но более плотная и прочная, чем в Московском государстве начала века, это была все же лишь оболочка. Казак ненавидел польского пана, потому, что ему, мелкому землевладельцу-хуторянину, не было больше места среди росших со сказочной быстротой и отовсюду надвигавшихся на казацкую землю панских фольварков. А московский помещик потому оказывался союзником этого казака, что он и сам в этих местах был таким же мелким землевладельцем-хуторянином, как и казак, значит, и таким же, как он, социальным врагом панских латифундий. Что в борьбе приняли деятельное участие пробивавшиеся в казачество верхние слои посполства (посполитый – общенародный), крепостного крестьянства, это было опять вполне естественно так же естественно, как и то, что в 1606–1608 годах крепостное крестьянство боярских вотчин шло рука об руку с мелкопоместными дворянами. Но и там, и тут союз был до поры до времени. Когда враг был выбит с поля, все пришло в норму: казачество осталось казачеством, посполство – посполством, и даже тот факт, что казацкие старшины стали уже настоящими помещиками, не дал ничего нового: и в начале века казацкие атаманы ни к чему так не стремились, как к тому, чтобы стать важным элементом господствующего класса.

В целом малороссийское казачество состоялось; оно стало представлять собой мощную вооруженную силу. Оно состояло из городских казаков, делившихся на полки по городам, в уездах которых казаки владели землей подобно городским дворянам и детям боярским в Московском государстве (полк Переяславский, Миргородский и др.), и из запорожцев, образовавших под командой выборного кошевого атамана вольное боевое товарищество, средоточием которого служила укрепленная Сечь за днепровскими порогами. Польское правительство старалось усилить свою власть над казачеством, ограничить его число.

Кзаки сопротивлялись, но их восстания за казацкую свободу, начавшиеся в конце XVI века, встречали поддержку в порабощенном крестьянстве и во всем гонимом православном населении юго-западной Руси, получали характер борьбы за веру и народность, становились делом национально-религиозным. Долго казаки не имели удачи, пока не стал во главе их Богдан Хмельницкий.

1.3. Богдан Хмельницкий: штрихи социально-психологического портрета

Цель данного параграфа заключается в том, чтобы проанализировать объективно и всесторонне процесс формирования личности человека, казака, представителя имущественного сословия. Показать, как в сложных и противоречивых условиях развития нового государства – Речи Посполитой – идет борьба внутри господствующего класса между королевской знатью и польскими панями за власть, правами и обязанностями, вытекающими из конкретного законодательства страны. Какую роль в этой борьбе играли субъекты жизнедеятельности общества и государства Речи Посполитой: религиозные взгляды православных и католиков, народные массы (крестьяне-хлопы, чернь, зажиточное и рядовое казачество, Запорожская Сечь, церковь и т. д.). Проследить, как в этой сложной и противоречивой жизни формировался Богдан Хмельницкий в качестве крупного национального героя, военного и государственного деятеля, патриота и защитника интересов рядового казачества и народных масс в их борьбе за свободную Украину.

Знакомство с богатым фактическим материалом по русской истории XVII века, помещенном в девятом и десятом томах «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, помогает современному читателю ознакомиться с важнейшими историческими событиями первой половины XVII века, но его осмысливание требует критического отношения к мировоззрению и методологии автора.

Соловьев не мог, однако, не заметить, что позиция народных масс оказывала решающее воздействие на ход событий, как это имело место, например, при заключении Зборовского соглашения 1649 г. Участие «черни» в движении он традиционно трактует отрицательно, живописуя «разбой» казаков. Характеризуя Богдана Хмельницкого, давая оценку его политики и военных действий в 1654–1657 гг. он предлагает «смотреть на Хмельницкого прежде всего как на козака», не способного к политической деятельности, «казацкий характер» которого якобы проявился в непоследовательности, импульсивности его действий, что искажает облик и значение деятельности вождя освободительной войны украинского народа. Такую характеристику крупнейшего русского историка С. М. Соловьева («не мог, не заметил») дает нам советский период. Но этот период, к счастью, давно закончился. Поэтому мы рассматриваем личность Богдана Хмельницкого так, как его излагает сам С. М. Соловьев.

Как он считает, Богдан Хмельницкий был козак видный во всех отношениях: храбрый, ловкий, деятельный, грамотный; у него было и состояние, хутор Субботово в Чигиринском старостве. За это-то Субботово началась у него ссора с Чаплинским, подстаростою Чигиринским. Известно, как в это время в Польше действовали друг против друга враждующие, и понятно, кто должен был осилить в борьбе – шляхтич или козак? С шайкою голодных людей наехал Чаплинский на слободы Хмельницкого, завладел гумном, на котором находилось 400 копен хлеба, и всех домашних Хмельницкого заковал в цепи; самого Богдана держал четыре дня в тесном заключении и освободил только по просьбе жены своей. Богдан подал жалобу в суд; в отместку за это Чаплинский приказал своей дворне схватить десятилетнего сына Хмельницкого и высечь плетью среди базара; приказ был исполнен так хорошо, что мальчика чуть живого принесли домой и скоро после того он умер. Но частной вражды с Чаплинским было еще мало: свой козак донес польскому начальству на Хмельницкого, будто он замышляет старые козацкие проказы, хочет отправить на море вооруженные суда. Действительно, шел слух, что король Владислав, замышляя войну против турок, на которую не согласился, однако, сейм, разрешил козакам готовить суда для выхода в море и прислал даже деньги на постройку судов. Пользуясь случаем, зимою 1646 года Хмельницкий от всего Войска Запорожского бил челом королю Владиславу на обидчиков своих. Так, заслушав Бог-

дана Хмельницкого и черкас челобитчиков, Владислав сказал: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле». И пожаловал Владислав Богдана Хмельницкого атаманством и отпустил его и всех челобитчиков, одарив их сукнами и адамашками. Осенью 1647 года замыслил король Владислав войну вести с турецким султаном, пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством запорожским, послал ему свое жалованье и вперед обещал прислать на жалованье черкасам и на челновое дело 170000 злотых польских к лету 1648 года. Богдан за эти деньги обещал королю изготовить на полгода Запорожского Войска и с вольными 12000 да к морскому ходу сто челнов.

По совету атаманов – кошевого и куренных – в первых числах марта 1648 года выехал Хмельницкий из Сечи с своими товарищами, такими же, как он, беглецами, перебрался на остров Томаковский под предлогом, что там удобнее будет кормиться и людям его и лошадям, а в самом деле поехал в Крым просить у хана помощи на поляков. Хан долго думал с мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому? Боялся он, не нарочно ли Богдан подослан поляками, чтоб обманом ввести орду в Польшу и там истребить ее собранными войсками. Хмельницкий объявил, что готов присягнуть и оставить сына своего заложником; присяга дана была на сабле ханской, молодой Хмельницкий (Тимофей) оставлен в заложниках; однако хан не двинулся сам, а отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырехтысячным отрядом. 18 апреля возвратился Хмельницкий в Запорожье, куда кошевой стянул уже с лугов, веток и речек все войско низовое, конное и пешее; молодцы собрались, но не знали, зачем созвал их атаман, пока не приехал Хмельницкий из Крыма. В тот день, когда он появился, на заходе солнца выпалили из трех пушек, на рассвете другого дня выпалили в другой раз; на этот призыв козаки стали высыпать из разных углов, и когда ударили в котлы для призыва на раду, то сечевой майдан (площадь) оказался мал, вышли из крепости на просторное место, где и объявили войску, что начинается война против поляков и что хан будет за Козаков благодаря старанию Хмельницкого; тогда все войско закричало, чтобы Хмельницкий был гетманом, и Богдан принял опасную роль Павлюги и Острина. Новый гетман постановил с атаманами, чтобы выступило в поход не более восьми или десяти тысяч Козаков, а прочие разошлись бы по своим местам, к своим промыслам, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому.

Между тем уже давно по Украине несся слух, что на Запорожье готовится восстание: народ поднял головы и втихомолку готовил оружие, ожидая избавителей. Хитрые грамоты Хмельницкого с известием, что все дело состоит в отправлении козацкого посольства к королю с челобитьем, таинственность, с какою он действовал, умение утаить свою поездку в Крым – ничто не помогло; напуганные, чуткие поляки встрепнулись; коронный гетман Николай Потоцкий хорошо помнил последние восстания, прекрасно знал, что в таких случаях поляки должны иметь дело не с горстью запорожцев, но с целым народонаселением Малороссии, и потому, несмотря на бездорожье, 18 февраля уже был на Украине; сам он расположился в Черкасах, а гетман польный Калиновский – в Корсуни.

5 мая у Желтых Вод встретился Хмельницкий с сухопутным польским войском, и после трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая) поляки потерпели страшное поражение, так что и десятка их не успело спастись бегством. Покончив с молодым Потоцким, который умер от ран в плену, Хмельницкий двинулся навстречу старому, сошелся с ним 16 мая у Корсуни и разгромил наголову: оба гетмана – коронный великий Потоцкий и польный Калиновский – попались в плен и были отосланы к хану в Крым. Поляки потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых, 41 пушку.

Поднимая украинский народ и московского царя против Польши, Хмельницкий в то же время по совету Киселя (далее постоянный представитель Польши при Хмельницком)

решился попробовать, как отреагирует на его действия польское правительство. Как бы еще не зная о смерти короля Владислава, в середине июня Хмельницкий отправил в Варшаву четырех старшин с документами, в которых заключались требования, жалобы и просьбы Козаков, и с личным письмом к королю. Главные были следующие: 1) паны обходятся с нами, людьми войсковыми, хуже, чем с невольными; 2) хутора, луга, мельницы и все, что им понравится в домах у Козаков, берут насильно, мучат, убивают; 3) берут десятину и поволовщину; 4) старых козацких жени отцов, хотя бы сын находился на службе, облагают чиншом, как и других крестьян; 5) на Запорожье и на Днестре не дают промышлять, ни зверей, ни рыбы ловить, а с головы каждого козака берут по лисице; если же не поймает козак лисицы, то отбирают самопалы; панам полковникам подводы даем или вместо подвод платим деньгами; 6) военную добычу и даже молодых татар паны полковники отнимают у Козаков; 7) нашедши какую-нибудь причину, тотчас сажают козака в тюрьму и, где чуют взятку, не выпустят, пока не получат доброго выкупа; 8) к Запорожскому Войску предполагалось прибавить еще 6000; но старшие наши не позволили, чтоб войско состояло из 12000, хотя мы обещаем и клянемся, что, сверх этого числа, принимать людей в войско не будем; а с 6000 мы не можем оказывать услуг ни королю, ни республике; 9) чтобы заслуженное жалованье, которого мы не получали в течение пяти лет, было сполна отправлено к нам вместе с комиссиею; 10) просим о духовенстве древней религии греческой, чтоб оно оставалось неприкосновенным, чтоб церкви, отданные униатам, опять оставались при своих стародавних правах. Посланцы козацкие получили такой ответ от временного правительства (от 22 июля): Нет надобности объяснять вам глубину совершенного вами преступления; хотя республика могла бы отомстить вам, но мы, не желая более пролития крови христианской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить панов комиссаров, людей знатных, которые объявят вам дальнейшую волю республики.

Казимир еще до избрания писал к Хмельницкому: «Если буду королем, то войну успокою и вперед тебе и всему Войску Запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкреплю лучше прежнего».

Грамота, которую новый король послал к Хмельницкому, подтверждала надежды козацкого вождя. «Начиная счастливо наше царствование, – писал король, – по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаем возратить давние рыцарские вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей означенным». Ян Казимир обещал, что Войско Запорожское будет под непосредственною властью короля, а не старост украинских, обещал исполнить и желание Козаков относительно унии, но требовал за это, чтобы Хмельницкий отослал татар и распустил чернь. Богдан исполнил все это, но тут же было видно, что он, наслаждаясь успехами, готов был ограничиться только условиями, в которых исполнялись только его желания. Месть кипела в его сердце: воспоминания о Чаплинском, Конецпольском, Вишневецком не давали ему покоя. «В Бродах (имение Конецпольского) камня на камне не оставлю, – говорил он, – с землею сравню, а этот князик Вишневецкий недолго будет у меня региментовать; сам в Крым поеду и освобожу гетманов с условием, если помирятся со мною и будут в приязни жить, если же нет, то прикажу им головы отрубить, а этот князик за Днестром у меня не показывайся!»

Формирование личности Богдана Хмельницкого включает ряд самостоятельных периодов. Главный из них, о котором идет речь, можно сказать, что это восстание носит царистский (королевский) характер.

Хмельницкий, надеясь на короля, думал, что будут исполнены все его желания, но когда паны узнали, что король послал Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили к нему с шумом, особенно поляки кричали: «Идем всею Речью Посполитою! От Бог-

дана Хмельницкого, от Кривоноса и Козаков разоренье и кровопролитие большое, чего не бывало, как Польское королевство стало, а король Козаков почитает, как приятелей своих!» Ян Казимир пытался панов успокоить. Однако, паны продолжали кричать: «Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих хлопов войну вести и мстить им до кончины своей; либо Козаков истребим, либо они нас истребят; лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие; лучше умереть, чем козакам и своим хлопам в чем уступить!» Такие большие надежды и требования со стороны Хмельницкого и такая неуступчивость и ожесточение со стороны панов не предвещали скорого мира.

Историк С. М. Соловьев подробно описывает как по возвращению из похода Хмельницкий с торжеством въехал в Киев; около него ехали полковники в золоте, серебре, добытом у поляков, несли польские хоругви и другую военную добычу. В народе раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкого; духовенство, академия вышли к нему навстречу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкого Моисеем веры русской, защитником свободы русского народа, новым Маккавеем. Победителя немедленно окружили иностранные посланники. Богдан усердно молился, раздавал богатые дары по церквям из польской добычи и в то же время расспрашивал колдунов и колдуний о будущем. Вместе с этим в нем просыпался козак, который гулял на радостях, пировал день и ночь, как подопьет – песню затянет.

Характерно, что С. М. Соловьев пытается раскрыть связь между той средой, которая заложила камни фундамента формирования личности нового типа руководителя вооруженной борьбы с поляками и старой обстановкой, в которой рос и возмужал гетман. Историк пишет, что Хмельницкий, будучи под хмельком, беспрестанно менялся: то ласков, то вдруг суров, то со всеми запанибрата, то вдруг никого к себе не допускает; добродушно разговаривает и вдруг выдаст свирепый приказ. Мы поймем все это, – рассуждает известный историк, – если будем смотреть на Хмельницкого прежде всего как на козака. Как бы ни был даровит член общества нецивилизованного, как бы высоко ни поставила его судьба, не может он отречься от своей природы, девственной еще, детской, если угодно, грубой, не сдерживаемой известными условиями образованного общества, не затянутой в известные формы; впечатления такого человека живы, сильны, быстро меняются. Он рабски поддается им и не умеет сдерживать своих чувств, не умеет обращать холодное внимание на честность и правильность, последовательность их выражения, начнет что-нибудь, вдруг по непонятному для него самому сцеплению понятий вспомнит о чем-нибудь другом и увлекается этим новым воспоминанием. В ущерб логике и цели разговора безотчетно сменяются в нем мысли и чувства, быстро выражаются в слове и деле. Дик и странен кажется такой человек члену общества образованного, не понимает грамотный человек этой юности природы мышления и, глядя по-своему, готов счесть маскою то, что на самом деле живой образ. Наступило время, когда Хмель, так называли поляки Богдана, вполне выказал свой козацкий характер, чем озадачивал и часто оскорблял людей из другого общества.

В процессе общения с Хмельницким Кисель, стараясь воздействовать на мысли гетмана, как всегда, часто распространялся о великих милостях королевских: король прощает Хмельницкого, дает свободу древней православной религии, позволяет увеличить число реестрового войска, восстанавливает прежние права и преимущества его, наконец, представляет гетманство ему, Хмельницкому. «Вы, гетман, – делает выводы Кисель, – с своей стороны должны показать себя благодарным, должны стараться о прекращении смуты и кровопролития, не принимать крестьян под свое покровительство, а внушать им повинование законным владельцам». Не очень щедрые для корсуньского и пилявецкого победителя милости и неудобноисполнимое требование отказаться от союза с простым народом в пользу панов раздражали Хмельницкого до предела. Часто возмущало в нем и обращение к нему

как вождю полновластному, тогда как он не мог ничего сделать без согласия войска, а легко ли было удовлетворить требованиям этого войска, которое состояло из низшего народонаселения всей Украины? От Хмельницкого вытягивали по крупицам пожелания отдать панам в неволю людей, которые дали ему власть и могущество, и остаться начальником войска в 12000 или не более 15000, как предлагали поляки! Но что все более заставляло Хмельницкого переменить тон относительно польского правительства, так это то, что хан, помогавший ему до сих пор из-под руки, одним отрядом Тугай-Беевым, теперь решился прямо стать его защитником, помогать ему всеми силами. Во внешней политике гетмана наступили новые времена: с турками заключен был союз; князь трансильванский Юрий Рагоцы также предлагал Хмельницкому помощь в войне с Польшей. Вот почему Богдан часто отвечал Киселю: «За великие милости королевские покорно благодарю; что же касается до комиссии, то она в настоящее время начаться и производить дел не может: войска не собраны в одно место, полковники и старшины далеко, а без них я ничего решать не могу и не смею; иначе могу поплатиться жизнью. Да притом я не получил удовлетворения за обиды, нанесенные Чаплинским и Вишневецким. Первый должен быть непременно мне выдан, а второй наказан, потому что они подали повод ко всем смутам и кровопролитию. Виноват и пан кастелян краковский, который нападал на меня и преследовал меня, когда я принужден был спасать жизнь свою в пещерах днепровских, но он уже довольно награжден за дела свои, нашел чего искал. Виноват и хорунжий (Конецпольский), потому что лишил меня отчизны, отдал Украину лисовщикам, которые Козаков, оказавших услуги республике, обращали в холопов, драли с них кожу, вырывали бороды, запрягали в плуги, но все они не так виноваты, как Чаплинский и Вишневецкий. Ничего из этого не будет, если одного из них не накажут, а другого мне сюда не пришлют; в противном случае или мне погибнуть со всем Войском Запорожским, или пропасть Польской земле, сенаторам, дукам, королькам и шляхтам. Разве мало виноваты ляхи, что льется кровь христианская, что войско литовское вырезало Мозырь и Туров, что Януш Радзивилл велел одного из наших посадить на кол? Я послал туда несколько полков, а к Радзивиллу писал, что если он поступил таким образом с одним христианином, то я то же самое сделаю с 400 пленных поляков».

В процессе непрерывных встреч Б. Хмельницкого с представителями власти поляков, как правило, за обеденным столом, в солидном подпитии Богдан Хмельницкий начал срывать сердце, пересчитывать обиды, которые получил от поляков, и грозить мстостью. Как-то пробрался в комнату жены Киселевой и начал прямо говорить ей, чтобы та с мужем отреклась от поляков и осталась с козаками, потому что Польская земля сгинет, а Русь будет господствовать в том же году, очень скоро.

На другой день комиссары отправились к гетману, и Кисель начал со слезами умиленную речь, суть которой в том, что Хмельницкий не только Польшу и Литву, но и русскую веру, святые церкви хочет отдать поганым без всякой причины. Если ему нанесена обида, если Чаплинский виноват, то готова награда; если Войско Запорожское обижено тем, что уменьшили его число, отняли земли, то король обещает все вознаградить; пусть подумает, что, как Польша и Литва не удержат врагов без Запорожья, так и Запорожье не защитится от них без польского войска; уговаривал, чтоб отступился от черни, пусть крестьяне пахут, а козаки воюют, пусть реестровых Козаков будет 12000 или 15000, пусть идет лучше воевать поганых за границу. На это Богдан привычно отвечал: «Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкий гонял за Днепром, и на Днепре было время, и после Желтоводской, и после Корсунской битвы, и после Пилявец, и под Константиновом, и под Замостьем, и когда я из-под Замостья шесть недель шел до Киева, а теперь уже другое время; мне удалось сделать то, о чем даже и не мыслил. В итоге получилось то, о чем даже не мечтал. И здесь, в разговоре, Богдан четко выразил свои планы: выбью из польской неволи народ русский весь. Сперва воевал я за свою обиду, теперь стану воевать за веру православ-

ную нашу. Вся чернь, которая ее держится, по Люблин, по Краков, поможет мне в этом, и я чернь не выдам, чтоб вы, задавивши крестьянство, и на Козаков не ударили. Буду иметь двести, триста тысяч своих, всю орду, подле меня Тугай-Бей, брат мой, душа моя, единственный сокол на свете, готов он все сделать, что я ни захочу, вечна наша козацкая приязнь, которой целый свет не разорвет. Скажу остальным ляхам: сидите, молчите, ляхи! Дуков и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станут, найду их и там; не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украине, а который захочет с нами хлеб есть, пусть будет послушен Войску Запорожскому, а на короля не брыкает». Полковники поддакивали гетману.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.